

Ашик-Кериб

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником, и, наконец, заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: Что ты спишь под виноградником, запела она, вставай, безумный, твоя газель идет мимо; он проснулся девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. Если б ты знала, отвечала та, кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб. Веди меня к нему, сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. Как мне не грустить, отвечал Ашик-Кериб, я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею, Проси мою руку у отца моего, говорила она, и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет. Хорошо, отвечал он, положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею. Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, он смотрит это Куршуд-бек. Добрый путь, кричал ему бек, куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста,

ни броду. Плыви вперед, сказал Куршуд-бек, я за тобою последую. Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. Твой сын утонул в глубокой реке, говорит он, вот его одежда. В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. Мой сын утонул, сказала она ей, Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна. Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем, она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он, наконец, в Халаф; по обыкновению, вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. Иди с нами к великому паше, закричали они, или ты отвечаешь нам головою. Я человек вольный, странник из города Тифлиза, говорит Ашик-Кериб, хочу пойду, хочу нет; пою когда придется, и ваш паша мне не начальник. Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. Пой, сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. Возьми ты это блюдо, говорит она, и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом. Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. Это мое, сказал он, схватив его

рукою. Точно твое, сказал купец, я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого. В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом, Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. Аллах всемогущий, воскликнул он, если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать, и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: Оглан, что ты хочешь делать? Хочу умереть, отвечал Ашик. Слезай же сюда, если так, я тебя убью. Ашик спустился кое-как с утеса. Ступай за мною, сказал грозно всадник. Как я могу за тобою следовать, отвечал Ашик, твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою. Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй. Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. Что ж ты отстаешь? спросил всадник. Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен. Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать. Хоть бы в Арзерум поспеть нонче, отвечал Ашик. Закрой же глаза; он закрыл. Теперь открой. Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. Виноват, Ага, сказал Ашик, я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс. То-то же, отвечал всадник, я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, теперь открой. Ашик себе не верит то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по настоящему надо в Тифлиз. Экой ты, неверный, сказал сердито всадник, но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой, прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости; они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство. Наклонись, сказал тот, улыбнувшись, и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза и она увидит. Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилияз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери

дрожащею рукою, говоря: Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня. Слабый голос старухи отвечал ему: Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии. Ана, отвечал он, я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня. Тогда сестра его говорит матери: Мать, я встану и отворю ему двери, Негодная, отвечала старуха, ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение. Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: Что висит у тебя на стене? Любопытный ты гость, отвечала она, будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом. Я уж сказал тебе, возразил он, что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене? Это сааз, сааз, отвечала старуха сердито, не веря ему. А что значит сааз? Сааз то значит, что на ней играют и поют песни. И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. Нельзя, отвечала старуха, это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрогивалась. Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней. И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: Я бедный Кериб (нищий) и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника. После этого мать его зарыдала и спрашивает его: Как тебя зовут? Рашид (храбрый), отвечал он. Раз говори, другой раз слушай, Рашид, сказала она, своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет? И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами, Не позволю, отвечала старуха, с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому. Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, а если хоть одна струна порвется, продолжал Ашик, то отвечаю моим имуществом. Старуха ощупала его суммы и, узнав, что

они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: Селям алейкум: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню. Почему же нет, сказал Куршуд-бек. Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота. Тогда Куршуд-бек спросил его: А как тебя зовут, путник? Шинды Гёрурсез (скоро узнаете). Что это за имя, воскликнул тот со смехом. Я первый раз такое слышу! Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя. После этого он взял сааз и начал петь:

В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в день?

За что ж ты меня хочешь убить, сказал Ашик, певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

Пускай продолжает, сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. Так-то ты сдержала свою клятву, сказали ее подруги, стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека. Вы не узнали, а я узнала милый мне голос, отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: Успокойся и знай: что написано у

человека на лбу при его рождении, того он не минует.

Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, сказал жених, но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство? В доказательство истины, отвечал Ашик, сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение. Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери, Матушка! закричала она, это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб, и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз, и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери. Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу; сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери.